Пар.

ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ

ТОМЪ LVIII

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

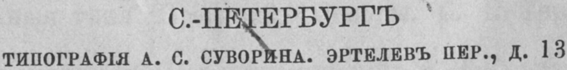

ТОМЪ LVIII

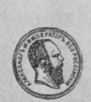

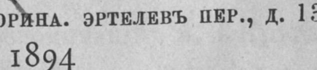

1894

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

1894

СОДЕРЖАНІЕ ПЯТЬДЕСЯТЪ ВОСЬМАГО ТОМА.

(ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ и ДЕКАБРЬ 1894 года).

стр.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ:

ИСТОРИЧЕСКІЯ МЕЛОЧИ:

ВОСПОМИНАНІЯ А. А. КОЛЮБАКИНОЙ.

Кавказскія воспоминанія В. А. Полторацкаго, напечатанныя въ прошломъ году въ «Историческомъ Вѣстникѣ», заинтересовали многихъ читателей этого журнала. Въ этихъ воспоминаніяхъ, какъ въ зеркалѣ, отразились тѣ особенныя черты характеровъ главнѣйшихъ дѣятелей Кавказа, которыя могли выработаться только подъ вліяніемъ шестидесятилѣтней, непрестанной борьбы съ горцами.

Это былъ отдѣльный міръ, для всѣхъ крайне интересный, а для насъ, военныхъ, дорогой. Разсказы о герояхъ Кавказа, отъ генерала до простого солдата, заставляютъ надѣяться, что и въ будущемъ, въ минуту роковой борьбы, эти герои воскреснутъ въ ихъ потомкахъ. Но въ большой войнѣ, которая рано или поздно предстоитъ Россіи, отдѣльные подвиги не только малыхъ чиновъ, но и генераловъ, потонутъ въ общемъ морѣ крови. На Кавказѣ, при дѣйствіи сравнительно мелкихъ отрядовъ, это было иначе: каждый поручикъ былъ на виду, а полковникъ представлялъ изъ себя персону. Этотъ, если можно такъ выразиться, семейный характеръ войны заставляетъ насъ слѣдить съ любовью за каждой отдѣльной личностью и интересоваться ею, какъ человѣкомъ роднымъ.

Вотъ почему я полагаю небезынтересными для читателей записки А. А. Колюбакиной, находящіяся въ моихъ рукахъ. Кто не зналъ на Кавказѣ въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ немирнаго Колюбакина? О немъ упоминаетъ и Полторацкій, но вскользь. Ему, повидимому, пришлось провести службу на другомъ краю Кавказа и сталкиваться съ Николаемъ Петровичемъ только какъ съ собесѣдникомъ, а не какъ съ дѣятелемъ.

Высокаго роста, съ широкими плечами, съ головою, гордо откинутой назадъ, Колюбакинъ олицетворялъ своей фигурой силу и могущество. Его маленькіе, живые глаза были полны ума. Превосходно образованный, начитанный, хорошо знавшій иностранные языки, особенно французскій, онъ съ живымъ любопытствомъ слѣдилъ за европейской литературой, и шкафы его были всегда полны книгъ, только что вышедшихъ изъ типографій Парижа и Берлина.

Не удивительно, что при такихъ вкусахъ Колюбакинъ, по назначеніи сенаторомъ въ Москву, не замедлилъ сойтись съ лучшими людьми того времени. Сколько мнѣ извѣстно, Аксаковъ, Самаринъ, князь Черкасскій, были его постоянными собесѣдниками, а Погодина и графа Сологуба, втеченіе моего двухдневнаго пребыванія въ Москвѣ, я встрѣтилъ въ его домѣ.

Но этотъ блестящій, высоко даровитый и безусловно честный человѣкъ обладалъ недостаткомъ, дѣлавшимъ его иногда нестерпимымъ для общества и весьма тяжелымъ для близкихъ: необузданная, ничѣмъ неукротимая вспыльчивость его переходила всякіе предѣлы. Въ такія минуты онъ становился опасенъ и могъ совершить преступленіе. Много терпѣлъ онъ отъ этого самъ, но много терпѣли и другіе, и надо еще удивляться, что онъ окончилъ жизнь въ почетномъ званіи сенатора, а не въ сѣрой солдатской шинели.

Про его продѣлки, заслужившія ему названіе **немирнаго**, говорилъ весь Кавказъ, и Полторацкій въ своихъ запискахъ приводитъ одинъ такой примѣръ. Разскажу другой.

У Колюбакина, когда онъ губернаторствовалъ въ Кутаисѣ, былъ одинъ чиновникъ, плѣшивенькій, маленькій старичекъ, плохо владѣвшій русской грамотой. Приноситъ онъ Николаю Петровичу какую-то бумагу, въ которой слово «лѣсъ» написано черезъ *е*. Николай Петровичъ обратилъ на это вниманіе и просилъ такой вопіющей ошибки не повторять; но на слѣдующій день злополучный «лесъ» является въ прежнемъ видѣ. Колюбакинъ раскричался; но когда то же самое повторилось и въ третій разъ, то онъ вскочилъ со стула и зарычалъ: «садитесь и читайте». Бѣдный чиновникъ сѣлъ и наклонилъ голову надъ бумагой, а грозный начальникъ, не помня себя, выворотилъ ему на лысину всю чернильницу, а потомъ и песочницу. Излишне говорить, что Колюбакинъ потомъ искренно извинялся передъ оскорбленнымъ подчиненнымъ; но каково же было переносить такія выходки людямъ, имѣвшимъ съ нимъ ежедневныя сношенія.

Въ заключеніе скажу, что жена Колюбакина, Александра Андреевна, была знакома многимъ старымъ кавказцамъ. Имя ея было окружено общимъ уваженіемъ, а правдивость вошла въ пословицу.

П. А. К—скій.

I.

Родители Н. П. Колюбакина.—Воспитаніе въ домѣ отца.—Поступленіе въ Гродненскій гусарскій полкъ.—Разжалованіе въ солдаты и переводъ на Кавказъ.—Производство въ офицеры.—Командировка для переговоровъ съ княземъ Моршани.—Характеръ Колюбакина.—Участіе въ Даргинской экспедиціи.—Его подвигъ и производство въ маіоры.—Назначеніе начальникомъ Джаро-Бѣлоканскаго округа.—Нападеніе разбойника.—Оригинальное вѣнчаніе Колюбакина.—Мгновенное излѣченіе лихорадки.—Образъ жизни въ Закаталахъ.—Покушеніе на убійство Колюбакина.—Даніэль-Бекъ.—Критическое положеніе.

Главная цѣль моихъ воспоминаній заключается въ желаніи напомнить о человѣкѣ, котораго зналъ весь Кавказъ, и добрая память о которомъ сохраняется и понынѣ во многихъ мѣстахъ здѣшняго края. Да, можетъ быть, нѣкоторымъ — не смѣю думать многимъ — будетъ интересно прочитать нѣсколько страницъ изъ жизни кавказца сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ. Я хочу говорить о Николаѣ Петровичѣ Колюбакинѣ, и такъ какъ описаніе его характера и дѣятельности на Кавказѣ составляетъ главный предметъ моего простого повѣствованія, то постараюсь сказать о немъ все, что знаю и помню. Прошу, однако, не думать, что я хочу написать его біографію, во-первыхъ, я, вѣроятно, не сумѣла бы сдѣлать этого, тѣмъ болѣе, что для такого труда нообходимо имѣть матеріалы, а у меня ихъ нѣтъ. Самъ Колюбакинъ какъ-то мало дорожилъ своими бумагами и оставилъ ихъ въ величайшемъ безпорядкѣ. Помню прекрасную записку его о возможности покорить Кавказъ мирнымъ способомъ, а именно установленіемъ съ нимъ торговли, но изъ нея, послѣ смерти его, я нашла только нѣсколько несвязныхъ отрывковъ. То же было и съ другими его рукописями, кромѣ одной, напечатанной, объ освобожденіи крестьянъ въ Грузіи.

Напоминая о Николаѣ Петровичѣ людямъ, знавшимъ его, я хотѣла, вмѣстѣ съ тѣмъ, представить картину прежней жизни на Кавказѣ для сравненія ея съ современной, всѣмъ болѣе знакомой; поэтому въ разсказѣ моемъ не слѣдуетъ искать опредѣленной рамки.

Полагая, что характеръ каждаго человѣка образуется съ дѣтства, подъ вліяніемъ людей, окружающихъ его, и болѣе всего родителей,—не лишнимъ считаю сказать, кто были отецъ и мать Колюбакина.

Николай Петровичъ родился въ 1812 году. Отецъ его, генералъ-лейтенантъ Петръ Ивановичъ Колюбакинъ, уроженецъ Новгородской губерніи, былъ однимъ изъ дѣятелей отечественной войны. Весь израненный, онъ прожилъ послѣ двѣнадцатаго года не болѣе пятнадцати лѣтъ, почти не вставая съ креселъ. Женатъ онъ былъ по любви на полькѣ, красавицѣ, графинѣ Пулавской, но счастливъ

не былъ; онъ страдалъ душевно, видя, что жена не только не раздѣляла съ нимъ горячей любви его къ отечеству и преданности престолу, но, напротивъ, принадлежала всѣмъ сердцемъ только соотечественникамъ своимъ, которымъ мало-по-малу передала все состояніе мужа. Дѣтей у нихъ было пятеро: двѣ дочери и три сына, изъ которыхъ Николай былъ старшій, Михаилъ второй, а Александръ младшій. При жизни отца они содержались въ роскоши, ходили въ бархатѣ и при нихъ постоянно находились, по требованію отца, три гувернера, для изученія иностранныхъ языковъ. Казалось бы, что при такой обстановкѣ дѣти должны были наслаждаться жизнью, но не тутъ-то было: жестокая и необузданно вспыльчивая мать строго наказывала ихъ за малѣйшую невинную шалость, даже за каждое пятнышко на платьяхъ и требовала отъ гувернеровъ такого же безжалостнаго обращенія съ дѣтьми, что, весьма понятно, не могло благотворно подѣйствовать на ихъ характеры. Отталкивая ихъ въ припадкахъ гнѣва и не говоря съ ними по цѣлымъ днямъ и даже недѣлямъ, мать не только навсегда ожесточила ихъ противъ себя, но пріучила не то что злопамятствовать, а долго дуться послѣ всякой ссоры. Привычка эта въ особенности привилась къ Николаю Петровичу. Михаилъ Петровичъ, менѣе вспыльчивый, умѣлъ сдерживаться и при непріятностяхъ былъ скрытенъ и молчаливъ.

Двухъ старшихъ сыновей отецъ отдалъ въ царскосельскій лицей, бывшій въ то время въ самомъ цвѣтущемъ состояніи; третій сынъ воспитывался въ другомъ учебномъ заведеніи и вышелъ въ гусары; но надо полагать, что печально проведенное дѣтство и недостатокъ материнской любви иначе повліяли на его болѣе мягкій и кроткій нравъ, ибо на 19-омъ году жизни онъ удалился въ монастырь, гдѣ вскорѣ постригся. Старшіе братья его, весьма способные мальчики, учились прекрасно и тоже вышли въ военную службу.

Поступивъ въ 1830 году въ Гродненскій гусарскій полкъ, Николай Петровичъ былъ въ Варшавѣ во время польскаго мятежа; сдѣлалъ кампанію 1831 года, участвовалъ во многихъ сраженіяхъ, находился въ битвѣ подъ Остроленкою и при штурмѣ Варшавы и тутъ былъ раненъ саблей въ ногу. Начавъ такъ счастливо службу, онъ былъ разжалованъ въ солдаты, два года спустя, за оскорбленіе начальника своего и сосланъ на Кавказъ, гдѣ поступилъ рядовымъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ, считавшійся какъ тогда, такъ и теперь, молодецкимъ по храбрости офицеровъ и солдатъ и образцовымъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Умный, прекрасно образованный и въ высшей степени благородный человѣкъ, Николай Петровичъ ни передъ кѣмъ не гнулся; солдатская шинель нимало не стѣсняла его; онъ попрежнему держалъ голову высоко и всѣмъ смотрѣлъ прямо глаза. По прибытіи

въ полкъ, онъ очень скоро пріобрѣлъ расположеніе и уваженіе командира своего, полковника Безобразова, такого же пылкаго, какимъ онъ былъ самъ, и дружбу всѣхъ своихъ сослуживцевъ, что не помѣшало ему, однако, имѣть съ ними нѣсколько дуэлей. Не смотря на это, отношенія съ товарищами были самыя дружескія, и мѣсяцы боевой жизни пролетали, какъ дни. Не стану упоминать здѣсь, въ какихъ именно экспедиціяхъ, бояхъ и перестрѣлкахъ онъ участвовалъ,—скажу только, что ихъ было очень много, и что черезъ годъ онъ былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры, послѣ чего, подъ начальствомъ генерала Малиновскаго, а потомъ генерала Вельяминова, находился на Кубани въ безпрерывныхъ военныхъ дѣлахъ. Въ маѣ 1837 года его произвели за храбрость въ прапорщики, и онъ снова началъ карьеру свою, не пользуясь втеченіе всей жизни ничьей протекціей.

Въ концѣ 1840 года его перевели на восточный берегъ Чернаго моря, для участія въ экспедиціяхъ противъ разныхъ непокорныхъ племенъ Кавказа; тутъ онъ вскорѣ былъ сдѣланъ адъютантомъ сначала при генералѣ Анрепѣ, начальникѣ черноморской береговой линіи, а затѣмъ при замѣстившемъ его генералъ-адъютантѣ Будбергѣ.

Когда Колюбакинъ находился при генералѣ Анрепѣ, ему было поручено съѣздить въ Далъ, гористую, высоко лежащую надъ уровнемъ моря и чрезвычайно живописную часть Абхазіи для переговоровъ съ княземъ Баталбеемъ Маршани, родственникомъ владѣтеля, поселившимся тамъ съ 500-ми дымами абхазцевъ. Предводительствуя враждебною намъ партіею, Баталбей нападалъ на подвластную Россіи, сосѣднюю съ нимъ, Цебельду, тоже страну гористую, и не разъ вступалъ въ отважныя схватки съ нашими войсками.

Прибывъ въ Далъ, Николай Петровичъ остановился у подошвы той горы, на которой находился домъ Баталбея, и послалъ изъ команды своей одного абхазца сказать ему, что онъ присланъ генераломъ Анрепомъ для переговоровъ съ нимъ. Князь Маршани отвѣтилъ, что онъ готовъ выслушать его, только съ уговоромъ, что онъ придетъ къ нему одинъ. Колюбакинъ согласился, полагая, что и его найдетъ одного; но каково было его удивленіе, когда, поднявшись на гору, онъ увидалъ князя Баталбея, окруженнаго 400-ми вооруженныхъ абхазцевъ.

— Зачѣмъ люди эти здѣсь?—спросилъ Колюбакинъ, обращаясь къ князю Маршани:—ты пожелалъ видѣть меня одного, я согласился и не обманулъ тебя; я пришелъ съ однимъ переводчикомъ, потому что вѣрилъ въ твою честь.

— Благодарю,—отвѣчалъ Баталбей:—и прошу тебя, не бойся.

— Не говори со мною такъ!—вскричалъ Колюбакинъ:—ты можешь убить меня, но не забывай, что я русскій офицеръ и ничего

не боюсь. Прикажи же людямъ своимъ стрѣлять!—прибавилъ Николай Петровичъ, обнажая грудь.

Баталбей, какъ всѣ горцы вообще, высоко цѣнилъ храбрость и тотчасъ протянулъ Колюбакину руку. Затѣмъ послѣдовали переговоры, послѣ которыхъ князь Маршани совершенно измѣнилъ отношенія свои къ русскимъ и сдѣлался ихъ другомъ. Даже умирая, много лѣтъ спустя, онъ завѣщалъ сыновьямъ вѣрно служить Россіи.

По прибытіи въ Керчь, мѣстопребываніе начальника береговой линіи, Николай Петровичъ тотчасъ же познакомился съ моими родителями и, по прошествіи мѣсяца, былъ уже въ домѣ нашемъ, какъ свой; онъ посѣщалъ насъ не только ежедневно, но по три и по четыре раза въ день, побуждаемый къ этому единственно своею бурною и подвижною натурою и страстью къ разсужденіямъ и спорамъ о всѣхъ интересныхъ для него предметахъ. Самъ Колюкинъ говорилъ не только умно, но краснорѣчиво, и такъ какъ по образованію онъ былъ человѣкомъ свѣтскимъ и чрезвычайно пріятнымъ собесѣдникомъ, то, не смотря на пріобрѣтенныя имъ въ полку слишкомъ отважныя драгунскія манеры и на невыносливость противорѣчій, вслѣдствіе чего происходили нерѣдко вспышки, доходившія до ссоръ,—всѣ приглашали его къ себѣ и принимали съ величайшимъ удовольствіемъ. Въ особенности благоволили и были снисходительны къ нему дамы; но когда ему дѣлали или, лучше сказать, осмѣливались дѣлать замѣчанія за какую нибудь неловкость или рѣзкость къ обращеніи, онъ отвѣчалъ: «Prenez moi tel, que je suis [1]). Я солдатъ и другимъ быть не хочу». Или же, взявъ фуражку, уходилъ, не простившись, и уходилъ надолго. Но надо сказать, что подобныя непріятныя столкновенія мучили его такъ сильно, что по прошествіи нѣкотораго времени онъ самъ искалъ случая помириться. Слѣдуетъ прибавить еще къ этому, что вспыльчивость его, происходившая частью отъ органическаго порока сердца, искупалась весьма немалыми достоинствами, и поэтому друзья его и знакомые извиняли ему такіе поступки, которые другому не прошли бы даромъ.

Продолжая боевую жизнь свою на черноморской береговой линіи, Колюбакинъ получилъ двѣ раны въ одномъ упорнѣйшемъ трехдневномъ бою, при взятіи многочисленныхъ заваловъ: одну рану въ бедро, очень опасную, а другую—въ правую руку на вылетъ.

Въ 1845 году, послѣ дуэли съ Б. за то, что послѣдній помѣшалъ ему подсадить дамъ въ карету, онъ былъ переведенъ въ Тифлисъ для участія въ готовящейся тогда большой экспедиціи противъ Шамиля, извѣстной въ военныхъ лѣтописяхъ подъ наименованіемъ «Даргинской» и совершившейся подъ начальствомъ всѣми уважаемаго намѣстника, князя Михаила Семеновича Воронцова.

---

[1]) Берите меня такимъ, каковъ я есть.

Николай Петровичъ, командовавшій въ этой экспедиціи 3-й стрѣлковой ротой Куринскаго полка, получилъ однажды приказаніе сбить горцевъ съ позиціи, занимаемой ими на возвышенности. Приближаясь къ непріятелю, солдаты наши замѣтили, что сорокъ или болѣе муллъ, распростертые на землѣ, молились передъ сраженіемъ, громко взывая къ Аллаху. Рота остановилась предъ атакой.

— Ваше благородіе, нельзя теперь нападать на нихъ, грѣшно: видите, они молятся,—сказали солдаты.

Колюбакину нельзя было терять времени, слѣдовало тотчасъ же атаковать.

— Да что у нихъ за богъ! — вскричалъ онъ:—развѣ нашъ не лучше?

— Гораздо лучше, ваше благородіе!—воскликнули куринцы и въ ту же минуту бросились въ атаку съ громкимъ «ура»...

Чрезъ нѣсколько времени непріятель былъ сбитъ, и позиція взята. Тотчасъ послѣ этого Колюбакинъ напомнилъ солдатамъ примѣръ набожности мусульманъ; сцена измѣнилась, солдаты, снявъ шапки, перекрестились, а затѣмъ, вырывъ яму и опуская въ землю своего убитаго фельдфебеля, пропѣли заупокойную молитву.

Въ эту кампанію Николай Петровичъ былъ раненъ пулею въ грудь и произведенъ въ маіоры.

По окончаніи экспедиціи онъ получилъ мѣсто окружнаго начальника въ Джаро-Бѣлоканскомъ округѣ и въ первый же мѣсяцъ пребыванія своего въ крѣпости Закаталахъ, въ разъѣздѣ по округу для поимки разбойника, встрѣтившись съ нимъ неожиданно въ домѣ покорнаго намъ лезгина, обѣщавшаго выдать злодѣя, чуть не поплатился жизнью. По обыкновенію своему онъ совершалъ поѣздки по округу въ сопровожденіи не казаковъ, а мирныхъ лезгинъ, и безъ всякаго оружія, хотя ему было извѣстно, что каждый разъ по дорогамъ его ожидали засады; но онъ дѣйствовалъ подобнымъ образомъ, во-первыхъ, потому, что всегда надѣялся, что ничего не случится, что все пройдетъ благополучно, а, во-вторыхъ, чтобы выказать лезгинамъ полнѣйшее довѣріе къ ихъ вѣрности и честности и тѣмъ привязать ихъ къ себѣ, въ чемъ совершенно успѣлъ. На этотъ разъ, однако, онъ чуть не погибъ. Увидѣвъ передъ собой начальника округа, разбойникъ, не долго думая, занесъ шашку надъ его головой, но Колюбакинъ успѣлъ отклонить голову на столько, что шашка упала ему на плечо и, разрубивъ эполетъ и платье, сдѣлала легкій прорѣзъ на тѣлѣ. Не смѣя стрѣлять, изъ боязни обнаружить присутствіе свое въ домѣ, разбойникъ хотѣлъ вторично ударить начальника по головѣ, но Николай Петровичъ предупредилъ ударъ, схвативъ шашку голой рукой за лезвее, при чемъ, понятно, ранилъ себя: большой палецъ былъ почти отрѣзанъ, а на указательномъ была глубокая рана. Въ этотъ моментъ за дверью послышались шаги, и вошелъ хозяинъ дома, а испуганный

злодѣй успѣлъ скрыться, выскочивъ въ окно. Обвязавъ руку платкомъ съ помощью хозяина, Колюбакинъ отправился назадъ и къ утру вернулся домой, потерявъ много крови.

Нужно сказать, что еще за нѣсколько мѣсяцевъ до перевода Колюбакина изъ Керчи въ Тифлисъ онъ былъ уже моимъ женихомъ, но не могъ жениться до полученія мѣста съ порядочнымъ жалованьемъ, такъ какъ ни у него, ни у меня не было никакихъ денежныхъ средствъ. Въ то самое время, когда Колюбакину приходилось оставить Керчь, одинъ изъ братьевъ моей матери, проживавшій тогда въ Тифлисѣ, просилъ доставить къ нему двухъ маленькихъ дѣтей его, оставленныхъ имъ въ нашемъ домѣ на цѣлый годъ, при проѣздѣ его черезъ Керчь, и порученныхъ моему надзору.

Исполнить желаніе дяди было тогда нелегко, такъ какъ сообщеніе съ Тифлисомъ представляло различныя затрудненія, и охотниковъ ѣздить туда находилось немного. Поэтому для рѣшенія вопроса, съ кѣмъ бы изъ насъ отправить къ нему его дѣвочекъ, собрали семейный совѣтъ, и всѣ нашли, что лучше всего послать ихъ со мною съ тѣмъ, чтобы я осталась въ домѣ дяди до совершенія моего брака.

Николай Петровичъ направилъ путь свой изъ Крыма въ Тифлисъ чрезъ Ростовъ и Кавказскій перевалъ, а я моремъ на Поти, на военномъ пароходѣ,—частныхъ тогда не было еще.

Николая Петровича я застала еще въ Тифлисѣ; но мы недолго пробыли вмѣстѣ: онъ отправился въ экспедицію, а я съ дядей на воды въ Пятигорскъ и затѣмъ въ Кисловодскъ. Тамъ провела все лѣто княгиня Воронцова, и такъ какъ къ ней по три раза въ недѣлю присылались курьеры отъ князя, то мы чрезъ нихъ получали письма и знали всѣ подробности о военныхъ дѣйствіяхъ. Извѣстія съ театра войны ожидались нами со страхомъ и трепетомъ, потому что экспедиція предсказывалась опасная и трудная. И не ошибочно—печальное предсказаніе сбылось: много послѣ этой несчастной экспедиціи осталось вдовъ и сиротъ, и немало мужей, сыновей и братьевъ вернулись въ семейства свои израненные и изувѣченные.

Спустя два или три мѣсяца по окончаніи Даргинской экспедиціи, Колюбакинъ былъ назначенъ начальникомъ Джаро-Бѣлоканскаго округа. Отправляясь туда, онъ обѣщалъ пріѣхать въ Тифлисъ для совершенія нашего брака; но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ: свадьбѣ нашей суждено было состояться только въ іюнѣ и, такъ сказать, на большой дорогѣ. Колюбакинъ не могъ отлучиться изъ округа болѣе, какъ на сутки, и потому просилъ меня выѣхать къ нему навстрѣчу въ мѣстечко «Царскіе Колодцы», штабъ-квартиру какой-то дивизіи.

Конечно, я согласилась на это, хотя только что начала попра-

вляться отъ горячки, перешедшей въ лихорадку, и вотъ въ назначенный день я отправилась изъ Тифлиса въ сопровожденіи моей горничной и лакея Матвѣя.

Дядя былъ въ то время въ Петербургѣ. Дорогой со мной сдѣлался пароксизмъ лихорадки; будучи не въ состояніи выдержать тряски тарантаса, я просила остановиться и, забравшись въ чей-то виноградникъ, безъ позволенія хозяина его, ибо никто не приходилъ туда, пролежала тамъ часа три на разостланномъ коврѣ. Поэтому я прибыла очень поздно въ назначенное мѣсто и провела скверную ночь.

Николай Петровичъ, съ своей стороны, выѣхалъ изъ Закаталъ съ рукою на перевязи и въ 8 часовъ утра былъ въ «Царскихъ Колодцахъ». Тутъ, встрѣтивъ на улицѣ одного знакомаго своего полковника Н—ва съ незнакомымъ ему поручикомъ княземъ Кр—нымъ, онъ просилъ перваго быть свидѣтелемъ брака, а второго—моимъ шаферомъ. Въ 12 часовъ дня насъ обвѣнчали, а черезъ часъ мы уѣхали въ Закаталы съ конвоемъ изъ 30-ти казаковъ и столькихъ же лезгинъ.

Жизнь наша въ Закаталахъ была самая безпокойная отъ частыхъ тревогъ по ночамъ, да, сверхъ того, въ первые два мѣсяца пребыванія нашего тамъ лихорадка не покидала меня, и я уже потеряла надежду на выздоровленіе, какъ вдругъ вылѣчилась отъ нея внезапно и совершенно неожиданно, безъ всякаго лѣкарства. Докторомъ моимъ явился самъ Колюбакинъ; ему приснилось однажды, что подлѣ него разбойникъ; въ одинъ моментъ онъ приподнялся и, схвативъ меня за горло, сталъ душить, полагая, вѣроятно, что держитъ злодѣя за руку. Кричать я не могла и разбудила его только сильнымъ толчкомъ по лбу. Испугъ быть задушенной, случившійся въ то время, когда у меня былъ жаръ, произвелъ во мнѣ такую реакцію, что съ тѣхъ поръ лихорадка совершенно прекратилась.

Главный начальникъ края жилъ въ стѣнахъ крѣпости, а мы на форштадтѣ, и домъ нашъ буквально былъ открытъ и днемъ, и ночью, для всѣхъ, кто желалъ видѣть начальника округа по дѣламъ и безъ таковыхъ. Такъ переводчикъ съ докладомъ о какомъ-нибудь несчастномъ происшествіи врывался къ намъ ночью прямо въ спальню. Колюбакинъ въ одинъ мигъ вскакивалъ съ постели, одѣвался на ходу, садился на лошадь и летѣлъ на мѣсто катастрофы.

Всѣ лезгины, безъ исключенія, имѣли право входить къ намъ прямо безъ доклада, когда имъ было угодно, и часовымъ однажды навсегда было запрещено останавливать ихъ; поэтому ко мнѣ зачастую, въ отсутствіе мужа, являлись въ кабинетъ совершенно незнакомые мнѣ легзины, вооруженные съ головы до ногъ: у каждаго была шашка, два пистолета — одинъ за кушакомъ за спиной, а

другой спереди, кинжалъ и ружье. Войдя въ комнату и кивнувъ мнѣ головой, не снимая папахи, лезгинъ ставилъ ружье въ уголъ комнаты, затѣмъ, осмотрѣвъ все, что находилось въ ней и на моемъ письменномъ столѣ, разглядѣвъ мою одежду и даже обувь, онъ устраивался, поджавъ ноги, на тахтѣ или просто на коврѣ, и между нами начинался разговоръ знаками, съ помощью какихъ-то неопредѣленныхъ звуковъ. Когда же мой дикій гость засиживался слишкомъ долго, то, оставляя его одного, я выходила распорядиться, чтобъ ему подали плову, и замѣчательно, что никогда ни одна изъ вещей моихъ не пропадала при такихъ визитахъ. Знакомые же лезгины, кунаки (пріятели), которыхъ у насъ было множество, приходили къ намъ обѣдать и часто ночевать въ назначенной для нихъ комнатѣ — кунакской. Они чрезвычайно любили музыку и заставляли меня играть на фортепіано и пѣть. Намъ случалось принимать къ себѣ и раненыхъ, но не въ сраженіяхъ, а въ дракахъ на пирушкахъ или на свадьбахъ.

Такое обращеніе съ ними ближайшаго начальника лезгины чрезвычайно цѣнили и за то любили его и старались ограждать отъ опасностей, доказательствомъ чего послужитъ слѣдующій случай.

Однажды, передъ самымъ обѣдомъ, мужъ сказалъ мнѣ:

— Не испугайся, если во время обѣда что нибудь случится.

— Что такое?—спросила я.

— Можетъ быть, будутъ выстрѣлы.

— Почему ты знаешь это?

— Меня предупредили мои лезгины, что сейчасъ долженъ прійти человѣкъ, яко бы съ просьбой, а въ сущности, это разбойникъ, ищущій убить меня. Конечно, зная это впередъ, самъ я и переводчикъ будемъ зорко слѣдить за нимъ.

Такъ какъ это было лѣтомъ, и жара была невыносимая, то Николай Петровичъ, по обыкновенію, сѣлъ за столъ безъ сюртука, въ одной сорочкѣ, не приготовивъ, конечно, для ожидаемаго случая никакого оружія, только у переводчика былъ кинжалъ.

Когда намъ подали второе блюдо, дверь съ подъѣзда отворилась, въ столовую вошелъ лезгинъ и, поставивъ ружье къ двери, остановился. Колюбакинъ всталъ, подошелъ къ нему и спросилъ, что ему нужно. Тотъ началъ разсказывать какую-то исторію, сбиваясь на каждомъ словѣ; въ то же время, держа руку на пистолетѣ и вытаскивая его медленно изъ-за пояса, онъ вдругъ вырвалъ его съ намѣреніемъ выстрѣлить. Въ тотъ же моментъ Николай Петровичъ схватилъ разбойника за плечи и вышвырнулъ его чрезъ открытое окно на улицу, закричавъ стоявшимъ у крыльца тремъ часовымъ: «Ловите!.. Держите его!»... Часовые бросились за нимъ, но онъ успѣлъ скрыться.

Разскажу еще одинъ эпизодъ изъ жизни Колюбакина въ Закаталахъ, свидѣтельствующій о необыкновенномъ довѣріи къ нему

управляемаго имъ народа,—довѣріи, которое послужило къ спасенію намъ жизни. Эпизодъ этотъ характеризуетъ личность мужа моего вообще, а также умѣнье его управлять азіатскими народами; поэтому постараюсь изложить его какъ можно вѣрнѣе.

Въ началѣ 1847 года Николай Петровичъ получилъ отъ султана Елисуйскаго Даніэль-Бека, одного изъ славныхъ наибовъ Шамиля, конфиденціальное письмо на арабскомъ языкѣ. Въ письмѣ этомъ султанъ Елисуйскій, однажды уже измѣнившій Шамилю, принявъ подданство русское и прослужившій нѣсколько лѣтъ въ войскахъ нашихъ, просилъ сообщить князю Воронцову его просьбу о дозволеніи ему возвратиться въ Россію. Колюбакинъ тотчасъ же доложилъ объ этомъ намѣстнику, и, по приказанію его, съ Даніэль-Бекомъ завязалась продолжительная переписка, окончившаяся увѣдомленіемъ его, что князь Воронцовъ согласился на его просьбу, что распоряженія относительно высылки къ нему на встрѣчу лошадей и экипажа сдѣланы, и что въ Закаталахъ ему будетъ приготовлена квартира въ домѣ окружнаго начальника. Мы ожидали только извѣстій отъ султана о днѣ выѣзда его изъ Елису, чтобъ отправить за нимъ экипажъ и провожатыхъ, какъ вдругъ разнесся слухъ, что Шамиль, извѣщенный о намѣреніи Даніэль-Бека бѣжать въ Россію, захватилъ его женъ и дѣтей, и что вслѣдствіе этого султанъ отправился къ Шамилю съ повинной головой.

Вскорѣ затѣмъ въ Бѣлоканскомъ округѣ появились прокламаціи Шамиля, которыми онъ объявлялъ, что двинетъ на насъ многочисленное войско свое, подъ начальствомъ одного изъ главныхъ наибовъ, и предупреждалъ, что если лезгины не примутъ его съ покорностью, то не только мужчины, но всѣ женщины и дѣти будутъ перерѣзаны. Угрозы эти были, конечно, написаны въ самомъ напыщенномъ, азіатскомъ стилѣ. Но потому ли, что лезгины не довѣряли угрозамъ Шамиля, или усматривали исполненіе ихъ въ далекомъ будущемъ, или же твердо надѣялись на силу русскаго оружія,—но у насъ все шло попрежнему, ничего особеннаго не было замѣтно, и прокламаціи были забыты.

Только однажды, поздно вечеромъ, уже за полночь, сидя въ гостиной съ однимъ знакомымъ нашимъ, конечно, военнымъ, такъ какъ въ крѣпости нельзя было встрѣтить ни одного гражданскаго чиновника,—мы заговорились о петербургскомъ обществѣ, объ удовольствіяхъ столичной жизни, однимъ словомъ, о предметахъ, совершенно мирныхъ, ибо военные уже наскучили, а сплетенъ въ Закаталахъ не могло быть по той простой причинѣ, что сплетничать, по мнѣнію мужчинъ,—мнѣнію, смѣю думать, ошибочному,—способны однѣ женщины, а у насъ ихъ было всего четыре: супруга коменданта, ея дочь, жена баталіоннаго командира и я.

Гость нашъ, напѣвая арію изъ какой-то оперы, взялся уже

за фуражку, чтобы распроститься съ нами, какъ вдругъ отворились обѣ половинки двери, и глазамъ нашимъ представилась живая картина изъ двухъ лицъ; одно изъ нихъ былъ мужчина высокаго роста, съ правильнымъ, красивымъ, но строгимъ лицомъ и важной осанкой, въ длинной широкой одеждѣ, съ бѣлой чалмой на головѣ; другое—въ блестящемъ національномъ костюмѣ, въ полномъ вооруженіи, словно рыцарь среднихъ вѣковъ. То были лезгинскіе старшины — Шабанъ и Рамазанъ. Они остановились въ дверяхъ, какъ будто для того, чтобы дать намъ время налюбоваться ими, и дѣйствительно картина была достойна кисти хорошаго живописца. Послѣ минутнаго молчанія они объявили намъ торжественно, не спѣша, что въ Бѣлоканъ спускается по тремъ ущельямъ двадцатипятитысячная армія Шамиля. И каково было наше удивленіе, когда мы узнали, что тотъ самый Даніэль-Бекъ, который еще такъ недавно хотѣлъ перейти на сторону русскихъ, находился теперь во главѣ наступающей арміи. Такое нашествіе врага было, однако, не шуточное, тѣмъ болѣе, что войска у насъ было очень мало, и раздроблять его на части оказалось дѣломъ совершенно невозможнымъ.

Главный начальникъ края, генералъ Шварцъ, находился тогда въ отсутствіи, такъ что оборона округа лежала на отвѣтственности Колюбакина. Не теряя ни минуты, тутъ же, ночью, у насъ собрался военный совѣтъ, на которомъ присутствовали: комендантъ, плацъ-маіоръ, баталіонные и ротные командиры. Рѣшено было оставить въ Закаталахъ только необходимое количество солдатъ для содержанія караула въ крѣпости, а съ остальною малой частью идти въ лагерь на соединеніе съ находящимися уже тамъ частями войска.

Въ 5 часовъ утра выступилъ нашъ маленькій отрядъ, и я осталась одна. Комендантъ предложилъ мнѣ перебраться въ крѣпость; но я не согласилась. Ко мнѣ былъ прикомандированъ переводчикъ, передъ окномъ спальни поставлена пушка, и подлѣ нея часовой съ зажженнымъ фитилемъ. Сверхъ того, чрезъ нѣсколько дней прибыли 25 вооруженныхъ тушинъ и расположились на нашемъ дворѣ въ палаткахъ. Одинъ изъ нихъ, всѣмъ въ нашемъ краѣ извѣстный Шете, съ разбойничьею физіономіею, но самаго добродушнаго нрава, въ мирное время являлся ко мнѣ ежедневно за рюмкой водки. «Ты ничего не бойся, когда я здѣсь,—говорилъ онъ мнѣ,—я отрубилъ уже четырнадцать головъ и много, много рукъ и всегда относилъ ихъ начальникамъ, чтобъ они знали, какой Шете храбрый».

Первый и второй день прошли мирно; на третій я узнала, что офицеръ и переводчикъ, посланные въ Бѣлоканъ для разузнанія тайкомъ о численности непріятельской арміи и о мѣстопребываніи самого султана, были схвачены и звѣрскимъ образомъ убиты, и

что, сверхъ того, передъ окномъ того дома, въ которомъ расположился самъ Даніэль-Бекъ, былъ казненъ, по его приказанію, родной племянникъ его, прекрасный молодой человѣкъ, воспитанный въ Россіи и истинно преданный намъ. Это были первыя дошедшія до меня печальныя извѣстія. Вскорѣ начались и военныя дѣйствія, заявлявшія о себѣ пушечными выстрѣлами, слышными въ Закаталахъ.

Къ величайшему счастію нашему, непріятель не догадался сжечь моста чрезъ Алазань, чтобъ отрѣзать насъ отъ Тифлиса, что̀ дало намъ возможность сообщить князю Воронцову о положеніи нашемъ и просить подкрѣпленія, которое было обѣщано, но прибыло, однако, не скоро. Населеніе теряло уже надежду на хорошій исходъ дѣла, и вотъ однажды переводчикъ прибѣжалъ ко мнѣ съ извѣстіемъ, что восемьсотъ человѣкъ лезгинъ, съ старшинами своими, собрались подъ стѣнами крѣпости, что они толкуютъ объ опасномъ положеніи, угрожающемъ имъ женамъ и дѣтямъ, въ случаѣ неудачныхъ дѣйствій малочисленнаго русскаго отряда противъ сильнаго врага, и склоняются къ мысли, что для нихъ было бы, можетъ быть, лучше, перерѣзавъ русскихъ, занять крѣпость и объявить султану о покорности своей Шамилю. Что было дѣлать? Первая мысль моя была тотчасъ же извѣстить мужа объ этой сходкѣ, и, конечно, это было самое разумное, иначе я и не могла поступить, но я понимала, что Николай Петровичъ не могъ взять изъ-подъ носа непріятеля половину отряда, чтобы бѣжать къ намъ на помощь. Думала я, думала и наконецъ придумала послать сначала переводчика къ Шабану и къ Рамазану и попросить ихъ прійти ко мнѣ. Переводчикъ одобрилъ мое намѣреніе и побѣжалъ исполнить приказаніе.

Не болѣе, какъ черезъ полчаса, названные старшины вошли ко мнѣ съ печальными и озабоченными лицами. «Недоброе у нихъ на умѣ», подумала я и, усадивъ ихъ на диванъ, призналась имъ, что мнѣ извѣстна причина ихъ сборища около крѣпости, а также предметъ ихъ совѣщаній, и передала имъ все, что слышала отъ переводчика. Подтвердивъ мои слова, они прибавили, что не имѣютъ права жертвовать своими семействами, и припомнили прокламацію Шамиля.

— Какъ нельзя лучше понимаю трудное положеніе ваше,—отвѣчала я,—но полагая, что осторожность въ такомъ важномъ случаѣ есть главная вещь, я рѣшилась пригласить васъ къ себѣ, чтобы предложить мое мнѣніе, которое, надѣюсь, вы согласитесь выслушать.

Оба наклонили головы, приложивъ руку къ груди, и отвѣчали, что готовы исполнить мое желаніе.

Тогда я сказала имъ, что прежде, чѣмъ рѣшиться на поступокъ, отъ котораго должна зависѣть не только судьба, но и жизнь

ихъ и наша, я совѣтовала бы имъ переговорить сначала съ Колюбакинымъ, который, будучи почти ежедневно въ сношеніи съ тифлисскимъ начальствомъ и съ самимъ намѣстникомъ, одинъ знаетъ, на что мы можемъ надѣяться, чего должны ожидать. Потолковавъ еще минутъ десять за чашкой кофе со мной, а потомъ между собой, они объявили, что соглашаются съ моимъ мнѣніемъ и желаютъ повидаться съ начальникомъ, но должны сначала сообщить объ этомъ другимъ старшинамъ и всему обществу, чтобы получить на то и ихъ согласіе. Прощаясь, они просили позволенія взять съ собой переводчика, чтобы чрезъ него передать мнѣ ихъ общій, рѣшительный отвѣтъ.

Какъ только они вышли, я въ ту же минуту принялась писать къ мужу; и когда переводчикъ пришелъ сказать мнѣ, что всѣ единогласно пожелали посовѣтоваться съ нимъ, я заключила этими словами письмо свое и тотчасъ же отправила его къ нему съ нарочнымъ. А часа черезъ полтора получила въ отвѣтъ слѣдующую коротенькую записочку:

«Буду къ 8-ми часамъ вечера».

Отвѣтъ этотъ я немедленно отослала съ переводчикомъ къ Шабану, главному старшинѣ и наиболѣе уважаемому въ народѣ человѣку.

Въ восьмомъ часу въ залу явились, одинъ за другимъ, шестьдесятъ старшинъ, все люди болѣе или менѣе почтенные. Въ ожиданіи начальника они сидѣли спокойно, только изрѣдка перекидываясь нѣсколькими словами. Когда же къ дому подъѣхалъ Николай Петровичъ, они встали, а когда онъ вошелъ въ комнату, то, по обыкновенію всѣхъ азіатскихъ народовъ, поклонились ему почтительно, но съ достоинствомъ, а затѣмъ стали въ слѣдующемъ порядкѣ: тридцать человѣкъ въ рядъ съ одной стороны залы и такое же число съ другой, и затѣмъ началось совѣщаніе, продлившееся до десяти часовъ. Я сидѣла въ смежной комнатѣ, такъ что все видѣла и слышала. Николай Петровичъ, никогда не любившій сидѣть, а еще менѣе стоять, ходилъ между старшинами взадъ и впередъ, разсуждая съ величайшимъ спокойствіемъ о томъ, что было бы для лезгинъ полезнѣе—покориться Шамилю, или остаться вѣрными русскому царю. Лезгины, въ свою очередь, говорили объ угрозахъ Шамиля, ихъ имама, объ ужасной участи семействъ своихъ, въ случаѣ, если Даніэль-Бекъ одержитъ побѣду; объ отвѣтственности, лежащей на отцахъ и на мужьяхъ, и объ ученіи религіозномъ, приводя при этомъ тексты изъ корана, которые мужъ мой истолковывалъ имъ по своему разумѣнію. Наконецъ онъ сказалъ имъ съ должною твердостью:

— Неужели же вы думаете, что, измѣнивъ русскому государю, вы спасетесь надолго?.. Нѣтъ, его императорское величество не оставитъ измѣны вашей безъ заслуженнаго вами наказанія. Сюда

придетъ русская армія, которая, побѣдивъ полчище Шамиля, заберетъ въ плѣнъ вашихъ женъ и дѣтей, а жилища превратитъ въ груды камней. Теперь же я не теряю надежды; я увѣренъ, что мы скоро прогонимъ непріятеля и водворимъ миръ въ этомъ краѣ.

Наконецъ, послѣ нѣкотораго колебанія, всѣ старшины рѣшили, что лучше выждать еще нѣсколько времени, прибавивъ слѣдующія знаменательныя для Николая Петровича слова, произнесенныя Шабаномъ:

— Мы знаемъ тебя, Колюбакинъ: ты храбръ, честенъ и благороденъ; ты никогда не обманывалъ насъ, и мы вѣримъ тебѣ. Мы знаемъ, что ты любишь насъ, желаешь намъ добра, и увѣрены, что, если бы намъ выгодно было убить русскихъ и покориться Шамилю, ты сказалъ бы: сдѣлайте такъ.

Этими словами окончилось совѣщаніе, послѣ чего каждый изъ старшинъ, подходя по очереди къ Николаю Петровичу, цѣловалъ его въ плечо.

Хотя и успокоенный немного обѣщаніями старшинъ выжидать до крайней возможности, Николай Петровичъ, уѣзжая въ отрядъ, взялъ, однако, съ переводчика слово, съ обычною рѣшимостью своею, что онъ убьетъ меня выстрѣломъ, если-бъ я находилась въ опасности быть взятою въ плѣнъ. Разумѣется, я и не подозрѣвала этого до окончанія экспедиціи. Не мнѣ описывать, какимъ образомъ непріятель, пробывшій въ Бѣлоканскомъ округѣ почти два мѣсяца, былъ изгнанъ,—скажу только, что по выходѣ его изъ края измѣнившихъ лезгинъ оказалось всего шесть человѣкъ.

II.

Поѣздка въ Керчь.—Новое назначеніе Колюбакина и производство его въ полковники.—Жизнь въ Тифлисѣ.—Два анекдота.—Назначеніе Колюбакина кутаисскимъ вице-губернаторомъ.—Жизнь въ Сухумъ-Кале.—Природа Абхазіи.—Объявленіе войны Турціи.—Назначеніе Колюбакина въ Ріонскій отрядъ.—Княгиня Шервашидзе.—Князь Дмитрій Шервашидзе.—Исправленіе Колюбакинымъ должности кутаисскаго военнаго губернатора.—Успѣхи Омера-паши.—Письмо его къ княгинѣ Дадіани.—Отвѣтъ на это письмо, составленный Колюбакинымъ.—Отступленіе Омера-паши.—Окончаніе войны и производство Колюбакина въ генералъ-маіоры.—Жизнь въ Кутаисѣ.—Возмущеніе крестьянъ въ Мингреліи.

Въ 1848 году мы оставили Закаталы. Колюбакинъ взялъ отпускъ, и мы отправились въ Керчь, для свиданія съ моими родными. Это было въ декабрѣ; зима въ этотъ годъ была необыкновенно холодная, такъ что, выѣхавъ изъ Тифлиса въ саняхъ, мы доѣхали такимъ образомъ почти до Кутаиса, гдѣ братъ Николая Петровича былъ тогда вице-губернаторомъ. Замѣшкавшись немного у него, мы не застали уже парохода въ Редутъ-Калэ и поскакали оттуда

въ страшную погоду верхами до Поти. Пріѣзжаемъ. «Здѣсь пароходъ?»—спрашиваетъ Колюбакинъ перваго попавшагося солдата. «Никакъ нѣтъ-съ, ваше высокоблагородіе, только что ушелъ». «Такъ надо ѣхать догонять его»,—сказалъ Николай Петровичъ, и мы рѣшились отправиться до Сухума на турецкой кочермѣ.

Долго качало насъ, или, вѣрнѣе сказать, носило по морю это маленькое парусное судно, не имѣющее каюты, и когда мы въѣхали въ Сухумскую бухту, парохода и слѣдъ простылъ. Мы напрасно вынесли ужасную ночь подъ открытымъ небомъ, страдая отъ холода и голода, да, сверхъ того, въ ожиданіи слѣдующаго парохода, должны были двѣ недѣли прожить въ Сухумѣ. Но и пароходу, убѣгавшему отъ насъ, не посчастливилось: онъ былъ выброшенъ на берегъ сильною бурею въ Одессѣ.

По возвращеніи въ Тифлисъ, мужъ мой получилъ мѣсто начальника секретнаго отдѣленія, а потомъ былъ сдѣланъ адъютантомъ въ штабѣ отдѣльнаго кавказскаго корпуса и въ это время за исполненное порученіе, состоявшее въ усмиреніи какого-то горскаго племени, получилъ за отличіе чинъ полковника.

Въ Тифлисѣ мы прожили до конца 1850-го года. Тутъ у Колюбакина было достаточно свободнаго времени, чтобы предаваться любимѣйшему занятію своему—чтенію, и посѣщать общество, гдѣ онъ находилъ величайшее удовольствіе въ бесѣдахъ съ образованными людьми.

Зимы проходили тогда довольно оживленно и весело. Княгиня Воронцова давала разъ въ недѣлю большіе вечера съ танцами и разъ въ недѣлю маленькіе—soirées causantes; на первыхъ мужъ мой бывалъ рѣдко, ибо никогда въ жизни не танцовалъ, а на вторыхъ—почти всегда. Остальные вечера распредѣлялись между знакомыми, изъ которыхъ чаще всего Николай Петровичъ посѣщалъ князя Гагарина, находившагося тогда въ распоряженіи князя Воронцова и бывшаго впослѣдствіи вице-президентомъ академіи художествъ. Княгиня Гагарина, очень милая и образованная женщина, окружала себя наиболѣе интеллигентными личностями, сверхъ того, въ домѣ ея никогда не раскрывали карточныхъ столовъ, что мнѣ очень нравилось, тѣмъ болѣе, что Колюбакинъ любилъ карты и въ игрѣ горячился.

Политическія событія занимали Николая Петровича такъ сильно, что, когда одинъ хорошій знакомый нашъ, Ник. Влад. Ханыковъ, извѣстный оріенталистъ, весьма ученый человѣкъ и не менѣе мужа моего интересовавшійся политикой, являлся къ намъ по ночамъ съ какою нибудь важною новостью, Колюбакина будили, и оба пріятеля, одинъ ходя въ волненіи по комнатѣ, а другой—апатично качаясь въ креслѣ, спорили и разсуждали до утра о причинахъ, вызвавшихъ это важное событіе, о послѣдствіяхъ, долженствовавшихъ произойти отъ новаго переворота, и о вліяніи его на будущія дѣла Европы.

Ночи, проводимыя безъ сна, нисколько не утомляли Николая Петровича, ибо здоровье его было удивительно крѣпкое. Въ молодости ему ничего не значило зимой въ одной сорочкѣ просидѣть или, вѣрнѣе, пролежать съ книгой въ рукахъ у открытаго окна нѣсколько часовъ, не простужаясь, не получая даже насморка. Помню однакожъ, что въ Закаталахъ онъ какъ-то простудился, и въ первый разъ въ жизни у него разболѣлись зубы. Онъ кричалъ, сердился, что никто не умѣетъ помочь ему, увѣрялъ, что ни у кого, конечно, зубы не болѣли такъ ужасно, какъ у него, что онъ сойдетъ съ ума или застрѣлится. Наконецъ, сильная боль заставила его рѣшиться вырвать зубъ, дантиста у насъ не было, и онъ принужденъ былъ довѣриться обыкновенному доктору, на искусство котораго разсчитывалъ очень мало. Но, чтобы придать ему болѣе бодрости и живости для исполненія операціи, онъ, шутя, положилъ подлѣ себя на столъ заряженный пистолетъ, показавъ его предварительно врачу.

— Къ чему это оружіе? Вы хотите застрѣлиться? — спросилъ докторъ.

— Ошибаетесь, васъ хочу убить, если вы станете долго мучить меня.

Знакомый съ горячностью Колюбакина, докторъ, не совсѣмъ увѣренный въ безопасности своей, захватилъ въ поспѣшности вмѣсто больного зуба здоровый, вырвалъ его и, бросивъ на столъ щипцы и зубъ, опрометью выбѣжалъ изъ комнаты.

Другой не менѣе оригинальный случай былъ въ Керчи. Чтобы припомнить забытый нѣмецкій языкъ, Николай Петровичъ уговорилъ одну изъ сестеръ моихъ нанять вмѣстѣ учителя. Сестра согласилась, учитель былъ найденъ, и уроки начались. Первые прошли благополучно и весело; однако наставникъ успѣлъ замѣтить въ ученикѣ своемъ слишкомъ много энергіи и чрезмѣрную отважность.

Разъ какъ-то всегда смирному и уступчивому нѣмцу захотѣлось выказать свой авторитетъ, и онъ рѣшился поспорить съ Колюбакинымъ о значеніи или выговорѣ какого-то слова. Ученикъ настаивалъ на своемъ, учитель не отступалъ отъ своего мнѣнія и горячился, что̀ очень забавляло Николая Петровича.

— Ахъ! — воскликнулъ учитель, — зачѣмъ вы хотите меня учить! Я знаю, какъ нужно говорить, я карашо знаю грамматикъ, не спорьте со мной, Herr Capitain, — говорилъ нѣмецъ ломанымъ русскимъ языкомъ.

Въ ту же минуту, чтобы попугать бѣднаго нѣмца, Колюбакинъ, быстро вскочивъ со стула, схватилъ шашку, выдернулъ ее изъ ноженъ и закричалъ, бросаясь на изумленнаго учителя:

— Wie! sie dürfen streiten mit einem braven caucasischen Officier [1])!

---

[1]) Какъ! вы осмѣливаетесь спорить съ храбрымъ кавказскимъ офицеромъ!

Перепуганный наставникъ обратился въ бѣгство, оставивъ свою шапку, и къ слѣдующему уроку не явился. Его стали искать и узнали, что съ послѣднимъ пароходомъ онъ выѣхалъ изъ Керчи, не потребовавъ ни платы за данные уроки, ни шапки своей, которая нѣкоторое время хранилась въ квартирѣ сестры моей, какъ трофей неожиданной побѣды, одержанной надъ нѣмцемъ.

Хотя смѣшная исторія эта позабавила многихъ, но Николай Петровичъ сожалѣлъ о бѣдномъ бѣглецѣ, лишившемъ себя заслуженной платы, и, конечно, еслибъ ему случилось встрѣтиться съ нимъ, онъ вознаградилъ бы его щедро за нанесенную потерю.

У Колюбакина сердце было очень доброе, но, къ несчастью, онъ наслѣдовалъ безграничную вспыльчивость матери, причинившую ему много непріятныхъ и даже серьёзныхъ столкновеній въ жизни. И странно, по наружности нельзя было предположить въ немъ темперамента горячаго: свѣтлые волосы, голубые глаза, нѣжность и бѣлизна кожи, признаки, по большей части, натуръ вялыхъ и апатичныхъ, не соотвѣтствовали его характеру энергичному, рѣшительному, буйному, а также его плотному, сильному сложенію и, если можно такъ выразиться, бравому виду. За этотъ самый бравый видъ и чрезмѣрную горячность друзья прозвали его — Колюбакинымъ немирнымъ, а брата его Михаила Петровича — Колюбакинымъ мирнымъ. И эти прозвища остались за ними навсегда. Однимъ словомъ, Николай Петровичъ былъ настоящимъ кавказцемъ, сыномъ того прежняго Кавказа, когда жизненныя мелочи не занимали никого, когда жизнь расходовалась, какъ мелкая монета, когда ни одинъ изъ героевъ нашихъ не зналъ, будетъ ли живъ черезъ недѣлю, когда сами женщины были проникнуты особенной твердостью, какимъ-то героизмомъ и не приходили въ отчаяніе, зная, что надъ ихъ мужьями, братьями и сыновьями безпрерывно витала смерть. Тогда никто не унывалъ, и время проходило въ увеселеніяхъ; прямо съ бала, еще упоенные милыми взглядами и рѣчами, или съ веселой пирушки въ кругу товарищей, герои наши летѣли въ экспедицію, подъ пули враговъ, не заботясь объ ожидавшей ихъ опасности. И сколько изъ нихъ оставались тамъ, на полѣ брани, положивъ жизнь свою за отечество и за царя! Вотъ то̀ былъ настоящій, навсегда памятный намъ Кавказъ.

Въ 1850 году мы переселились въ Кутаисъ, гдѣ Николай Петровичъ получилъ мѣсто вице-губернатора, но пробылъ тамъ не болѣе десяти мѣсяцевъ и былъ назначенъ начальникомъ третьяго отдѣленія черноморской береговой линіи, заключавшаго въ себѣ пространство отъ укрѣпленія «Гагры» до укрѣпленія «Николаевскъ».

Мѣстомъ жительства нашего былъ единственный городъ Абхазіи—Сухумъ-Калэ, расположенный на берегу большой, превосходной бухты. Онъ состоялъ только изъ двухъ улицъ; одна изъ нихъ тя-

нулась по берегу моря до крѣпости, существовавшей еще, но не имѣвшей уже должнаго угрожающаго вида, ибо бастіоны ея начинали разрушаться, и пушки были съ нихъ сняты.

Всѣ дома, находившіеся на набережной, были заняты турками и ихъ кофейнями, гдѣ собирались матросы турецкой флотиліи, состоявшей изъ кочермъ (небольшихъ парусныхъ судовъ безъ каютъ), занимавшихся привозомъ контрабанды изъ Константинополя въ Абхазію и увозомъ оттуда въ Турцію молодыхъ дѣвушекъ для продажи ихъ въ гаремы. Русскіе пароходы преслѣдовали кочермы, но суда эти спасались весьма ловко, выскакивая на берегъ, куда нашимъ людямъ было тогда еще опасно съѣзжать. Другая улица, длинная, шла отъ берега моря до трапеціи (горы); тутъ въ домахъ, большею частью, деревянныхъ, весьма простыхъ, жили всѣ служащіе, военные и гражданскіе. Въ концѣ улицы былъ ботаническій садъ, основанный княземъ Воронцовымъ; ограда его, со стороны улицы, представляла сплошную высокую стѣну вьющихся розъ, что̀ было чрезвычайно красиво. Въ самомъ саду находилось много рѣдкихъ растеній, но послѣ разоренія его въ послѣднюю войну онъ почти заброшенъ.

Когда мы жили въ Сухумѣ, въ бухтѣ круглый годъ стояла эскадра изъ восьми военныхъ судовъ, командиры и офицеры которыхъ, всѣ люди прекрасно образованные и милые, оставили въ насъ самое пріятное воспоминаніе.

Въ тѣ времена Абхазія была извѣстна злокачественностью своего климата и, надо сознаться, не даромъ, ибо каждая простуда или неосторожность въ пищѣ влекли за собой страшные лихорадочные пароксизмы.

Мужъ мой, не привыкшій беречь себя, безпрестанно простужался и сильно страдалъ отъ лихорадки, положившей, по словамъ докторовъ, зародышъ болѣзни сердца, отъ которой онъ и умеръ.

Главной причиной лихорадокъ, какъ было тогда, такъ и теперь,—міазмы, подымающіеся, при закатѣ солнца, съ горъ, покрытыхъ вѣковыми, непроходимыми лѣсами, въ которыхъ громадные дубы, орѣхи, каштаны, чинары, буковыя и другія деревья, густо переплетенныя различными вьющимися растеніями, задерживаютъ теченіе воздуха, между тѣмъ какъ сверху ихъ припекаютъ жгучіе лучи солнца. Понятно, при этомъ въ нихъ содержатся постоянно теплота, духота и сырость, производящія гніеніе растеній. Когда же вѣтеръ подуетъ съ горъ, что̀ обыкновенно бываетъ по вечерамъ, то онъ нагоняетъ къ намъ міазмы гніющихъ корней, листьевъ и разлагающихся тѣлъ околѣвшихъ животныхъ. Скажу при этомъ, что въ здѣшнихъ лѣсахъ встрѣчаются бизоны, барсы, рыси, волки, барсуки, олени, дикія козы, медвѣди и множество кабановъ.

Въ настоящее время лѣса на горахъ, ближайшихъ къ берегу моря, частью вырублены, частью очищены, и климатъ въ Абхазіи

очень измѣнился къ лучшему: лихорадки сдѣлались несравненно слабѣе, а о самыхъ ужасныхъ, извѣстныхъ «спячкахъ», и помину нѣтъ. И если бы нашлись люди, желающіе воспользоваться богатствами Абхазіи, этого очаровательнаго уголка земного шара, прелестнаго по мѣстоположенію и чуднаго по растительности, нѣтъ сомнѣнія, что съ обработкою земли климатическая болѣзнь исчезла бы совершенно.

Въ бытность нашу въ Сухумѣ больнымъ давали на каждый пріемъ отъ 20—30 грановъ хины, а одинъ докторъ,—это было на моихъ глазахъ,—принялъ заразъ сорокъ гранъ и черезъ два часа еще сорокъ; теперь же достаточны пріемы отъ 8—10 гранъ, то-есть количество, употребляемое въ Тифлисѣ. Надо еще прибавить, что больше всего страдаютъ отъ лихорадки люди, питающіеся незрѣлыми плодами, и тѣ, которые не остерегаются вечерней сырости, чувствуемой не долѣе двухъ часовъ, при закатѣ солнца. По мнѣнію докторовъ, спеціалистовъ грудныхъ болѣзней, всѣ больные, страдающіе воспаленіемъ легкихъ, должны были бы жить въ окрестностяхъ Сухума, гдѣ великолѣпная, разнородная растительность наполняетъ воздухъ самымъ здоровымъ для груди газомъ.

Стоитъ заглянуть на дачу полковника Введенскаго, чтобы видѣть, какіе сады можно имѣть въ Абхазіи, какія можно разводить рѣдкія экзотическія и тропическія растенія и плодовыя деревья. Стоитъ также разспросить жителей и земледѣльцевъ, какой огромный доходъ даютъ виноградники и каждая десятина пахотной земли, чтобъ убѣдиться, какъ въ этомъ плодородномъ краѣ можно легко и скоро разбогатѣть. Между тѣмъ, несчастный Сухумъ послѣ погромовъ 1855 и 1877 гг. совершенно заброшенъ, а Абхазія хотя и населяется, но весьма медленно, встрѣчая затрудненія въ деньгахъ, а главное въ дорогахъ, ибо сообщеніе моремъ недостаточно.

Мы прожили въ Абхазіи два года. Осенью 1853 года была объявлена война Турціи, и вскорѣ приступлено было къ выводу гарнизоновъ изъ всѣхъ крѣпостей, расположенныхъ по береговой линіи. Едва успѣли вывести ихъ, какъ въ Босфорѣ появились непріятельскія суда союзныхъ державъ.

Оставаться долѣе въ Сухумѣ было уже невозможно, и мужъ мой рѣшился отправить меня въ Керчь, а оттуда я должна была при первой возможности уѣхать въ Таганрогъ, гдѣ жила одна изъ сестеръ моихъ. Мы ожидали только парохода, повезшаго въ Редутъ-Калэ остальную часть войска, и который на возвратномъ пути въ Севастополь долженъ былъ зайти въ Сухумъ, чтобы забрать городскихъ жителей, желавшихъ отправиться въ Россію.

Сестру мою я случайно застала въ Керчи, и мы вмѣстѣ отплыли въ Таганрогъ на коммерческомъ суднѣ, подъ австрійскимъ флагомъ, такъ какъ русскимъ пароходамъ было уже небезопасно по-

казываться въ морѣ. Капитанъ нашего паруснаго корабля оказался не весьма ловкимъ морякомъ; семь сутокъ качалъ онъ насъ по Азовскому морю; правда, что все это время онъ боролся съ противнымъ вѣтромъ, а на восьмой день въ сорока верстахъ отъ Таганрога сѣлъ на мель, и судно его легло на бокъ. Въ такомъ не совсѣмъ удобномъ положеніи мы простояли почти сутки. На другой день, рано утромъ, замѣтивъ къ счастью для насъ какой-то баркасъ, мы съ трудомъ дозвались его и, уговоривъ лодочника принять насъ, благополучно прибыли въ Таганрогъ поздно вечеромъ.

Съ большимъ сожалѣніемъ покидалъ Николай Петровичъ Сухумъ на другой же день послѣ моего отъѣзда; онъ основалъ въ немъ для абхазскихъ дѣтей двѣ школы — мужскую и женскую, устроилъ на берегу моря часть бульвара, существующаго теперь уже въ большомъ видѣ, и намѣревался мало-по-малу расширить городъ и украсить его, разведя садъ на большой площади, лежащей по правую сторону Колюбакинской улицы. Но намѣренія его остались мечтой, а все существовавшее при немъ было разорено непріятелемъ, высадившимся въ Сухумѣ вскорѣ по выѣздѣ Николая Петровича оттуда.

Прибывъ въ Тифлисъ, Колюбакинъ просилъ о прикомандированіи его къ дѣйствующей арміи и былъ назначенъ начальникомъ штаба въ эриванскій отрядъ, но пробылъ тамъ недолго. Убѣдясь, что серьезныхъ дѣлъ тамъ нечего было ожидать, онъ просилъ о переводѣ его въ главную армію, подъ Карсъ. Къ великому огорченію его, это почему-то не состоялось; онъ былъ посланъ въ распоряженіе командующаго ріонскимъ отрядомъ, князя Ив. К. Багратіона-Мухранскаго, и написалъ мнѣ тогда же, что я могу возвратиться на Кавказъ. Конечно, я не замедлила привести это въ исполненіе, проѣхавъ туда по военно-грузинской дорогѣ, то-есть черезъ кавказскій перевалъ и Тифлисъ, и поселилась въ Кутаисѣ, куда вскорѣ прибыла и супруга князя Мухранскаго, княгиня Нина Левановна, урожденная княжна Дадіани.

Мы жили съ ней въ одномъ домѣ, и понятно, что предметомъ короткихъ разговоровъ нашихъ,—княгиня затруднялась говорить порусски,—была война и опасности, которымъ подвергались наши мужья. Помню, какъ однажды, не имѣя долго извѣстій изъ отряда, мы нашли, что не худо было бы приблизиться къ нему. Вздумано-сдѣлано; явились, конечно, и кавалеры, предложившіе княгинѣ сопровождать ее. На другой же день намъ привели осѣдланныхъ лошадей, и мы отправились въ какой-то лѣсъ, гдѣ пробыли трое сутокъ, ночуя въ шалашѣ, устроенномъ изъ зеленыхъ вѣтвей, и питаясь соленой рыбой и жареными курами. При этомъ безпокойство наше почему-то разомъ уменьшилось, мы смѣялись и шутили, не смотря на то, что до насъ доносился иногда грохотъ пушечной пальбы.

Но возвратимся къ Абхазіи. Владѣтелю этой страны, князю Михаилу Шервашидзе, поручено было вывести оттуда находящіяся тамъ войска, для отправленія ихъ изъ Редута въ Грузію. Исполнивъ возложенное на него порученіе, онъ остался въ Мингреліи у князя Георгія Дадіани, на дочери котораго былъ женатъ.

Красавица, княжна Александра Георгіевна Дадіани, двоюродная сестра владѣтеля мингрельскаго, была второй женой князя Михаила: съ первой, тоже изъ дома Дадіани, онъ разошелся. Я была знакома и съ первой и со второй, но послѣдняя нравилась мнѣ гораздо больше: въ ней было что-то особенно привлекательное. Ея красивое лицо и добрый взглядъ носили оттѣнокъ постоянной грусти, располагавшей всѣхъ въ ея пользу, и, какъ мнѣ говорили многіе, она была чрезвычайно набожна и съ окружающими ласкова.

Въ маѣ мѣсяцѣ ее перевозили въ Соуксу, лѣтнее мѣстопребываніе ея на берегу моря, а въ октябрѣ она возвращалась въ Очамчиры. Путь этотъ пролегалъ чрезъ Сухумъ, и такъ какъ далекій переѣздъ совершался верхомъ, то она, со свитою своею, состоявшею изъ двадцати женщинъ, священника и нѣсколькихъ мужчинъ, останавливалась ночевать у меня. Такимъ образомъ, въ бытность мою въ Сухумѣ, я видѣлась съ нею два раза въ годъ. Тутъ бѣдняжечка, какъ говорится, отводила душу, разсказывая мнѣ со слезами о горькой участи своей.

— Ахъ!—говорила она, глубоко вздыхая:—мужъ мой владѣтельный князь, онъ знатенъ и богатъ, но невесела жизнь моя; его я почти никогда не вижу, онъ всегда занятъ или на охотѣ, а дѣтей моихъ, по обычаю края, отнимаютъ у меня тотчасъ послѣ рожденія и отдаютъ чужимъ людямъ для кормленія грудью и для воспитанія. А развѣ чужіе могутъ воспитать ихъ, какъ родная мать? Нѣтъ, нѣтъ, этого быть не можетъ... Еслибъ они были всегда со мной, какъ бы я берегла ихъ, какъ бы ласкала! И они любили бы меня, и я была бы счастлива. А теперь, когда котораго нибудь изъ нихъ привезутъ показать мнѣ одинъ разъ въ годъ, ребенокъ дичится, не подходитъ ко мнѣ и смотритъ на меня, какъ на чужую. У васъ, русскихъ, не такъ: у васъ гораздо лучше, вы счастливѣе насъ; у васъ сама мать кормитъ ребенка, она учитъ его ходить, говорить, смотритъ, какъ онъ ростетъ, какъ начинаетъ все понимать. О! нашъ законъ дикій, скверный, и, знаете ли, я терпѣть не могу кормилицъ моихъ дѣтей: я завидую имъ.

Я была однажды свидѣтельницей свиданія княгини Шервашидзе съ старшимъ сыномъ ея, Георгіемъ, такъ какъ свиданіе это было устроено Николаемъ Петровичемъ и происходило въ нашемъ домѣ. Мальчикъ не только не подходилъ къ ней, но, когда она звала его, онъ бросалъ на мать неласковый взглядъ и пряталъ голову въ колѣна кормилицы, а ему тогда было уже лѣтъ шесть,

и онъ, казалось, не зналъ, что у него есть мать, нѣжно любящая его. Да, можетъ быть, ему никогда и не говорили о ней.

Эта грустная сцена сильно разстроила меня, и я долго не могла забыть страдальческаго выраженія лица несчастной матери, ея печальныхъ, полныхъ слезами глазъ, устремленныхъ на сына, и вздоха, вырвавшагося изъ ея груди.

Не находя утѣшенія ни въ комъ и ни въ чемъ, не предвидя въ будущемъ ничего лучшаго, прелестная княгиня Александра, или, какъ ее называли здѣсь, «Цуцу», замученная горемъ и тоской, умерла въ молодыхъ годахъ отъ чахотки.

Мнѣ неизвѣстны подробности ея смерти; я знаю только, что она скончалась въ Мингреліи, въ домѣ отца своего, и что за нѣсколько мѣсяцевъ до того она ѣздила съ княземъ Михаиломъ на воды за границу; но лѣченье это не только не повело къ выздоровленію ея, а напротивъ ускорило ея смерть.

Высадившись въ Сухумѣ, Омеръ-паша не замедлилъ употребить всевозможныя старанія, чтобы привлечь на свою сторону все населеніе Абхазіи, и, не довольствуясь покорностью тѣхъ, кто находился при немъ, пробовалъ чрезъ посредниковъ соблазнить и князя Дмитрія Шервашидзе, находившагося при нашихъ войскахъ начальникомъ кавалеріи; но, не успѣвъ въ своемъ намѣреніи, самъ написалъ къ нему пофранцузски, стараясь объяснить, что цѣль его правительства заключается не въ завоеваніи новыхъ странъ, а единственно въ желаніи, освободивъ ихъ отъ владычества русскаго, возвратить прежнія права ихъ.

«Но призываю васъ,—говорилъ онъ въ концѣ своего письма,—вы сами разсудите: обязаны ли вы въ настоящихъ обстоятельствахъ посвятить своей родинѣ ваши силы и познанія».

Князь Дмитрій, не знавшій французскаго языка, обратился къ мужу моему, прося высказать Омеру-пашѣ въ учтивыхъ выраженіяхъ, что онъ считаетъ отечествомъ своимъ Россію и ни въ какомъ случаѣ не согласится принять предложеніе, оскорбляющее его честь.

Николай Петровичъ тотчасъ же составилъ въ желаемомъ смыслѣ отвѣтъ на посланіе Омера-паши и въ заключеніе прибавилъ: «Я недоступенъ заразѣ, вызываемой дурными примѣрами, и нахожу, что отечество мое тамъ, гдѣ пребываетъ мое законное правительство».

Это было первое и послѣднее письмо, адресованное князю Дмитрію изъ враждебнаго лагеря.

Мнѣ пріятно вспомнить о князѣ Дмитріѣ, который былъ у насъ въ домѣ, какъ свой. Удѣльный князь Абхазіи и двоюродный братъ владѣтеля, онъ служилъ сначала въ лейбъ-гвардіи казачьемъ полку, а потомъ женился на родной сестрѣ послѣдняго владѣтеля Мингреліи, князя Давида Дадіани, съ семействомъ котораго мы всегда

были въ дружескихъ отношеніяхъ. Князя Дмитрія мы любили, какъ человѣка умнаго, и уважали за непоколебимую преданность его Россіи, доказанную во многихъ случаяхъ при исполненіи имъ должности сухумскаго окружнаго начальника, а также во время войны 1854 г., когда онъ отличался въ сраженіяхъ противъ Омера-паши.

Въ то время Колюбакинъ находился уже не въ отрядѣ: онъ исправлялъ должность кутаисскаго военнаго губернатора и жилъ въ Кутаисѣ.

Вѣсти изъ нашего отряда доходили до насъ ежедневно; такимъ образомъ, намъ было извѣстно, что непріятельская армія была гораздо сильнѣе нашей, то-есть многочисленнѣе, что князь Мухранскій требовалъ подкрѣпленія и въ ожиданіи его не могъ дѣйствовать рѣшительно.

Въ первыхъ числахъ октября 1855 года Омеръ-паша, во главѣ своей арміи, двинулся изъ Сухума въ Самурзакань, и страна эта, прилегающая къ Абхазіи, тотчасъ же покорилась ему.

Зная, какъ пламенно мингрельцы желали выйти изъ-подъ власти владѣтелей, Колюбакинъ боялся, чтобы для исполненія этого желанія они не воспользовались безпорядками, причиненными войной, и не послѣдовали примѣру самурзаканцевъ, но, къ счастью, этого не случилось, хотя было очень близко къ тому.

Между тѣмъ, турки подвигались впередъ. Они дошли уже до рѣки Ингура и готовились переправиться на другой берегъ ея, чтобы занять Мингрелію. Но тутъ встрѣтили русскихъ, и 25-го октября князь Мухранскій, защищая переправу, имѣлъ большое сраженіе, извѣстное подъ названіемъ «ингурскаго», послѣ котораго, будучи не въ силахъ удержаться на занятыхъ имъ позиціяхъ, онъ принужденъ былъ отступить. Непріятель же, не встрѣтивъ никакого сопротивленія со стороны жителей, укрывшихся въ лѣсахъ, вторгся въ Мингрелію и свободно достигъ мѣстечка Зугдиди, гдѣ владѣтели проводили обыкновенно зимніе мѣсяцы. Тутъ у нихъ былъ большой, прекрасный домъ, роскошно меблированный не задолго предъ войной выписанной изъ Парижа мебелью, и великолѣпный садъ, наполненный рѣдкими, дорогими цвѣтами.

Переходъ турецкой арміи чрезъ Ингуръ встревожилъ не только княгиню Дадіани, которая принуждена была, бросивъ Зугдиди, перебраться въ горы, въ имѣнье Горди, лѣтнее мѣстопребываніе свое, но и жителей Кутаиса.

Намѣреніе Омера-паши было, взявъ Кутаисъ, добраться до Тифлиса, и, какъ говорили, войска у него для этого было достаточно. Поэтому со дня на день ожидали появленія его въ Кутаисской губерніи. Начались толки о необходимости оставить городъ, и многія семейства, не желая быть застигнутыми непріятелемъ врасплохъ, уложивъ и попрятавъ вещи, поспѣшили отправиться, кто въ Гори, кто въ Тифлисъ.

Вскорѣ затѣмъ прискакалъ къ Колюбакину курьеръ отъ князя Мухранскаго съ приказаніемъ вывезти изъ Кутаиса казначейство и дѣла губернскаго правленія. Тутъ началась настоящая суматоха; почти все женское населеніе Кутаиса стало сбираться въ путь; хлопотали о средствахъ передвиженія, требуя изъ деревень лошадей, арбъ и буйволовъ, и, наконецъ, потянулись за городъ экипажи съ дамами и съ дѣтьми, повозки съ семействами гражданъ, арбы съ вещами, кошками, собаками и курами. Много мужчинъ въ чохахъ и простыхъ женщинъ въ пестрыхъ платьяхъ и катибахъ ѣхали верхами; были между ними и деревенскіе священники въ полинялыхъ рясахъ. Уѣзжали, куда кто могъ.

Между тѣмъ, расположившись въ домѣ княгини Дадіани и покоясь на ея бархатныхъ кушеткахъ и атласныхъ креслахъ, Омеръ-паша сталъ придумывать, какими предложеніями и обѣщаніями онъ могъ бы скорѣй склонить на свою сторону гордую владѣтельницу. Наконецъ, присѣвъ къ ея бюро, украшенному прелестнѣйшими инкрустаціями и множествомъ различныхъ бездѣлушекъ, онъ написалъ къ ней длинное посланіе въ самыхъ любезныхъ и лестныхъ для самолюбія ея выраженіяхъ и, между прочимъ, слѣдующее: «Настоящая война предпринята моимъ августѣйшимъ государемъ и его могущественными союзниками съ праведливымъ намѣреніемъ избавить васъ отъ ига русскаго и положить конецъ завоеваніямъ россійскаго императора. Съ этой цѣлью я нахожусь здѣсь и могу увѣрить васъ, княгиня, что у меня достаточно войскъ, чтобы изгнать непріятеля изъ края, въ которомъ царствуетъ ваша свѣтлость. Единственное желаніе моего монарха заключается въ томъ, чтобы Мингрелія и сосѣднія съ нею страны пріобрѣли независимость, какъ отъ Россіи, такъ и отъ другихъ державъ, и управлялись свободно своими правительствами».

Затѣмъ слѣдовало приглашеніе поскорѣе прибыть въ Зугдиди, гдѣ, по словамъ его, присутствіе княгини необходимо было для пользы ея сына и для блага подвластнаго ей народа.

Копію съ этого письма княгиня прислала моему мужу, прося придумать на него приличный отвѣтъ. Вотъ какъ отвѣтилъ Николай Петровичъ:

«Вѣжливость обязываетъ меня отвѣтить на письмо, которое вы сочли нужнымъ написать ко мнѣ. Я буду на столько кратка и ясна въ выраженіяхъ, на сколько того требуютъ обстоятельства. Вы прибыли, генералъ, въ Мингрелію съ цѣлью сдѣлать ее независимою отъ Россіи, а это-то именно противно моимъ желаніямъ, да, по мнѣнію моему, и пользѣ моей страны. Мингрелія не можетъ существовать безъ сильнаго покровительства по причинамъ, которыя было бы слишкомъ долго перечислять и которыя, конечно, не ускользнули отъ вашего пониманія. Поэтому, при независимости отъ Россіи, я должна буду принять покровительство одной

изъ трехъ могущественныхъ державъ, а я скажу вамъ откровенно, почему ни одного изъ этихъ покровительствъ не желаю. Турція не можетъ помышлять о покровительствѣ другимъ, допуская надъ собой покровительство и, должно сознаться, вовсе незавидное. Странно было бы отдать себя подъ покровительство французскаго правительства, правительства случайнаго, которое не сегодня, такъ завтра само не будетъ существовать. Вы сами, генералъ, не посовѣтовали бы мнѣ принять покровительство Англіи: индѣйцы, китайцы, іонійцы сдѣлались ихъ рабами. Наконецъ, не скажу вамъ, чтобъ я желала коллективнаго покровительства трехъ державъ, чтобы не дать вамъ повода посмѣяться надо мной».

Колюбакинъ имѣлъ привычку сочинять письма свои и важныя бумаги, ходя по комнатѣ и диктуя ихъ мнѣ, поэтому и настоящее письмо я писала подъ его диктовку и, когда оно было окончено, я замѣтила ему, что княгиня не отправитъ его по назначенію.

— Очень вѣроятно, — отвѣчалъ онъ: — я самъ знаю, что оно слишкомъ рѣзко и не дипломатично, но я пишу, какъ думаю, и развѣ это не правда?

— Конечно, правда; только въ настоящемъ случаѣ твои прямыя сужденія не пригодны.

— Такъ пусть изорвутъ мое письмо.

И точно княгиня не воспользовалась имъ, хотя оно очень понравилось ей.

Пребываніе княгини Дадіани въ Мингреліи, въ близкомъ разстояніи отъ непріятеля, сильно безпокоило насъ. Мнѣ все казалось, что вотъ-вотъ прискачетъ гонецъ съ извѣстіемъ, что княгиня и семейство ея взяты въ плѣнъ. И сколько разъ писали мы къ ней, уговаривая пріѣхать къ намъ; но она предпочла подняться въ Леджгумъ и поселиться тамъ въ Цагерскомъ монастырѣ, близъ имѣнія своего Мури.

Ноября 20-го дошла до насъ радостная вѣсть о взятіи Карса, и Николай Петровичъ поспѣшилъ увѣдомить о томъ княгиню Екатерину Александровну, зная, какъ новость эта должна была обрадовать и успокоить ее, а Омера-пашу смутить и разрушить его побѣдоносные планы, ибо со взятіемъ Карса освобождалась часть осаждавшихъ его войскъ, которыя могли быть направлены на помощь намъ.

Въ это же самое время, весьма кстати для насъ, начались сильные дожди, дороги сдѣлались непроходимы, переправы черезъ рѣки затруднительны, а слѣдовательно и подвозъ провіанта невозможенъ, вслѣдствіе чего Омеру-пашѣ оставалось одно средство къ спасенію—ретироваться къ морю, гдѣ стояли его пароходы.

Русскіе, конечно, преслѣдовали непріятеля, при чемъ были сраженія; но такъ какъ описаніе военныхъ дѣйствій совсѣмъ не по моимъ силамъ и способностямъ, я перенесусь въ жизнь граждан-

скую, мирную. Послѣ окончанія войны Николай Петровичъ былъ произведенъ въ генералы и утвержденъ въ званіи кутаисскаго военнаго губернатора и управляющаго гражданской частью. Вложивъ саблю въ ножны, онъ взялся за перо и, не смотря на то, что бо̀льшую часть жизни провелъ въ экспедиціяхъ, онъ съ увлеченіемъ принялся за управленіе гражданское, приложивъ къ этому дѣлу всѣ свои старанія и способности, однимъ словомъ—предался ему всей душой. Чтобы лучше познакомиться съ характеромъ, обычаями и нуждами имеретинъ, онъ ѣздилъ по деревнямъ, оставался тамъ день и даже болѣе и, сидя въ какомъ нибудь лѣсу на пнѣ, подъ тѣнью огромнаго каштана или орѣха, собиралъ вокругъ себя помѣщиковъ и крестьянъ, разсуждалъ съ ними, выслушивалъ ихъ жалобы, толковалъ имъ законы, старался мирить ихъ и часто тутъ же на мѣстѣ рѣшалъ возникавшіе между ними поземельные споры, происходившіе отъ того, что земли не были размежеваны и раздѣлены между родственниками. Такіе гласные суды весьма облегчали крестьянъ, ибо имъ надо было бросать полевыя и домашнія работы, чтобы издалека и по нѣсколько разъ въ мѣсяцъ ходить за правосудіемъ въ городъ.

Кутаисъ—городъ небольшой, но красивый по мѣстоположенію своему. Въ 1484 году онъ былъ сдѣланъ столицею Имеретіи, слѣдовательно онъ существуетъ уже болѣе четырехсотъ лѣтъ, какъ главный городъ страны; основанъ же онъ былъ, вѣроятно, гораздо прежде, о чемъ свидѣтельствуютъ развалины древняго монастыря, построеннаго на горѣ, возвышающейся надъ городомъ. Монастырь этотъ, напоминающій времена истинной, непоколебимой вѣры въ Бога, былъ основанъ, какъ я слышала, въ V вѣкѣ, и это весьма возможно, ибо св. Нина проповѣдовала христіанство въ Иверіи (Грузіи) въ 318 году. Чрезвычайно красивы развалины монастыря; стѣны его съ двухъ сторонъ были покрыты почти всюду плющемъ, разросшимся по разнымъ направленіямъ изъ одного корня, посаженнаго неизвѣстно кѣмъ и когда. Во всякомъ случаѣ, это было давно, очень давно, такъ какъ стволъ его близъ корня имѣлъ въ окружности десять вершковъ, толщину весьма рѣдкую для плюща.

Въ окрестностяхъ Кутаиса есть еще два монастыря: Гелатскій и Мадзаметскій, построенные въ VI вѣкѣ въ мѣстностяхъ гористыхъ и весьма живописныхъ. Въ обѣихъ обителяхъ живутъ монахи, и ихъ часто посѣщаютъ городскіе жители и путешественники, особенно Мадзаметскую, какъ обитель, находящуюся не далѣе трехъ верстъ отъ города. Гелатскій монастырь, весьма красивой архитектуры, расположенъ выше. Виды изъ него великолѣпны, но дорога, ведущая къ нему, будто нарочно выложенная большими, гладкими плитами, была тогда невозможна для экипажей: мы поднимались туда верхами, да и то съ затрудненіемъ.

Лучшій видъ въ городѣ—съ моста, перекинутаго чрезъ Ріонъ. Быстрая рѣка эта, какъ всѣ здѣшніе горные потоки, имѣетъ каменистое ложе, и потому въ мѣстахъ неглубокихъ вода, разбиваясь о камни, белѣе выдающіеся надъ поверхностью ея, образуетъ серебристую пѣну, въ которой солнечные лучи отражаются радужными цвѣтами.

Отсюда, то-есть съ моста, видна извивающаяся между скалами и рѣкой узкая дорога, ведущая къ ботаническому саду, носящему названіе это, надо признаться, совершенно незаслуженно, потому что,—такъ по крайней мѣрѣ было въ бытность нашу въ Кутаисѣ,—кромѣ нѣсколькихъ копенъ сѣна, двадцати тощихъ фруктовыхъ деревьевъ, повители да барской спѣси, я не видала никакихъ признаковъ и принадлежностей ботаническаго сада.

Лѣтомъ Кутаисъ бывалъ пустъ, такъ какъ, за исключеніемъ служащихъ, всѣ имеретинскіе и гурійскіе помѣщики, составлявшіе большую часть его населенія, разъѣзжались по деревнямъ. Зимою же, напротивъ, городъ былъ довольно оживленъ. Многолюдныя собранія и танцы происходили только въ клубѣ, а у насъ никогда. Мужъ мой, человѣкъ въ высшей степени общительный, но совершенно неспособный подчиняться свѣтскому этикету, не давалъ ни баловъ, ни парадныхъ обѣдовъ, хотя въ необходимыхъ, особенныхъ случаяхъ умѣлъ быть любезнымъ, а въ большихъ общественныхъ собраніяхъ и на публичныхъ обѣдахъ или ужинахъ ему ничего не стоило, не приготовляясь къ тому заранѣе, сказать блистательный спичъ. За то каждый день нѣсколько мужчинъ приходили къ намъ обѣдать безъ приглашенія, дамы же пріѣзжали по вечерамъ запросто, не заботясь о нарядахъ, и всѣ гости собирались въ кабинетѣ Колюбакина; тамъ можно было, не боясь помѣшать его занятіямъ, громко разговаривать и въ карты играть. Иногда хозяинъ дома предлагалъ прочитать гостямъ что нибудь интересное, и это всегда принималось съ удовольствіемъ.

Такимъ образомъ, проходили дни за днями. Между тѣмъ, до Николая Петровича доходили слухи, что въ Мингреліи должно вспыхнуть давно готовящееся возмущеніе крестьянъ противъ помѣщиковъ, и дѣйствительно въ маѣ 1857 года оно явилось на свѣтъ организованнымъ, то-есть въ немъ можно было замѣтить начальниковъ милиціи и цѣлое управленіе.

Княгиня Дадіани тотчасъ же увѣдомила о томъ Колюбакина и, находясь лично въ трудномъ и опасномъ положеніи, просила его частнымъ письмомъ пріѣхать къ ней на помощь по дружбѣ.

Мужъ мой зналъ о возстаніи мингрельцевъ еще до полученія ея письма и донесъ о томъ кутаисскому генералъ-губернатору князю Гагарину, находившемуся тогда въ Абхазіи для усмиренія сосѣднихъ ей непокорныхъ убыховъ. Самъ же, по обязанности военнаго губернатора, отправился на границу своей губерніи, при-

легающей къ Мингреліи, чтобы предупредить безпорядки, могущіе перейти въ Имеретію. Въ то же время онъ повидался и съ Екатериной Александровной Дадіани.

На донесеніе свое князю Гагарину о бунтѣ онъ получилъ въ отвѣтъ, что, по невозможности оставить предпринятое имъ дѣло съ убыхами, онъ ему поручаетъ подавить возмущеніе и употребить для этого военную силу, если найдетъ въ томъ необходимость.

Александра Колюбакина.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

